

Из ст.: Котова Т.Н. Становление репрезентационных возможностей в ходе эмоционального развития ребенка // Человек. 2019. Т. 30, № 3. С. 107-119.

Аннотация.

Сравниваются две модели эмоционального развития, уделяющие особое внимание механизму перехода от более ранних форм эмоций к более зрелым. Модель интериоризации М. Холодински предлагает интерпретировать эмоциональное развитие по аналогии с подходом Л.С. Выготского к развитию мышления. Модель социобиологической обратной связи в эмоциональном развитии Д. Гергея и Дж. Уотсона базируется на механизме восприятия согласованности. Анализ выявил как общие черты, так и различия между подходами. В обеих моделях механизм развития эмоций представляет собой включение внешних коммуникативных знаков во внутренний индивидуальный процесс управления действием на основе эмоций. Ключевое различие определяется тем, какое место в общей логике занимает появление в конце первого года жизни полноценно функционирующих эмоций. В модели Гергея и Уотсона оно интерпретируется как состоявшееся преобразование процесса реализации эмоций путем включения в него прежде внешнего коммуникативного знака. В модели Холодински оно — лишь промежуточный этап на пути интериоризации внешнего знака, который ведет к возникновению в дошкольном возрасте новой формы эмоции, опирающейся на внутреннюю эмоциональную экспрессию и позволяющей анализировать свои эмоции во внутреннем плане. Рассматриваемые модели и выдвинутые теоретические модификации интересны в качестве основы для эмпирических исследований в данной области.

Ключевые слова: развитие эмоций, интериоризация, репрезентация эмоций, предшественники эмоций в младенчестве, полноценно функционирующие эмоции, социальное научение, эмоциональная экспрессия.

В теориях эмоционального развития, описанных в научной литературе, представлены преимущественно этапы развития ребенка, с выявлением его возможностей на той или иной стадии [7; 18; 22; 23]. При этом практически не встречаются предположения, теории или подходы, включающие в себя механизмы такого развития, объясняющие переходы с этапа на этап. В работах, посвященных эмоциональным явлениям как таковым, можно обнаружить суждения об общих механизмах возникновения и о происхождении в онтогенезе эмоций, базовых эмоций, схем эмоций, категоризованных эмоций и других выделяемых феноменов [10; 8; 19; 9; 24; 5]. Но обычно они носят самый общий характер и никак не соотношены с какими-либо этапами психического развития. Тем не менее существуют две модели эмоционального развития, посвященные непосредственно механизму перехода от ранних форм эмоций к более зрелым. В данном обзоре мы хотели бы сравнить эти модели и попутно раскрыть их более подробно. Речь идет, с одной стороны, о теории интериоризации М. Холодински [14; 16], в целом предлагающего интерпретировать эмоциональное развитие по аналогии с моделью интериоризации Л.С. Выготского в отношении развития мышления [1]. С другой стороны, нас будет интересовать концепция социобиологической обратной связи в эмоциональном развитии Д. Гергея и Дж. Уотсона [12], построенная на анализе восприятия согласованности в младенчестве. Основная задача этих подходов — объяснить, как существующие в самом начале младенчества, в период новорожденности, формы реагирования на события и состояния, вступая во взаимодействие с условиями жизни, приходят к преобразованию в зрелые, развитые и сложные формы. В главном предлагаемые ими механизмы имеют много общего: в основе процесса развития лежит, по замыслу обеих моделей, взаимодействие между ребенком и взрослым в ходе удовлетворения первым своих потребностей в условиях, когда он сам фактически не имеет никаких возможностей для этого. То, что в этой ситуации делает взрослый, в соответствии с обоими подходами, оказывается в дальнейшем буквально встроено в протекание индивидуальной эмоциональной реакции на

новом ее уровне, то есть интериоризируется. Более того, обе модели говорят о знаковой природе интериоризируемого содержания. Однако между ними обнаруживаются различия уже в определении, что именно в поведении взрослого по отношению к младенцу становится в ходе развития знаковым опосредованием его первичных эмоциональных реакций. По мнению М. Холодински, младенец изначально сталкивается с эмоциональной экспрессией взрослого, возникающей в ответ на внешне заметные проявления его эмоциональных состояний. Именно она становится знаком для эмоций младенца, встраивается в процесс эмоциональной реакции. «Я предполагаю, что с точки зрения развития ребенка экспрессивные сигналы являются первой включенной в культуру знаковой системой, опосредующей эмоциональную регуляцию взаимодействия между ребенком и близким ухаживающим взрослым» [15, р. 16]. Теоретически для М. Холодински было важно подчеркнуть тот факт, что языковые конструкции, структурирующие эмоции, придающие им то или иное значение, вступают в действие позже и не являются ключевыми в процессе становления собственно эмоций. Он подчеркивает, что еще раньше, чем ребенок столкнется с языком, он имеет дело с другой знаковой системой — эмоциональной экспрессией, и именно она определяет, в какие группы сложатся исходно имеющиеся эмоциональные переживания младенца. При этом Холодински указывает, что эмоции взрослого, конечно, уже содержат значения, «амальгамированы» языком, а раз так, то и экспрессия взрослых до некоторой степени эту форму обобщения несет в себе.

Д. Гергей и Дж. Уотсон упоминают экспрессию взрослого в качестве знака, в их терминологии — референциального «якоря» для переживаний ребенка, но по предлагаемой ими модели важна не любая экспрессия, сопутствующая этому переживанию, и не только экспрессия. Гергей и Уотсон подробно анализируют процесс взаимодействия младенца и ухаживающего за ним взрослого. Опираясь на эмпирические исследования, посвященные коммуникативным средствам, которые указывают на значимость для младенца согласованного и последовательного применения взрослым этих средств [6; 13; 26], Гергей и Уотсон выделяют «от-зеркаливание» аффекта. Именно эта часть поведения взрослого скрепляет («anchor») рудиментарные формы эмоций младенца и придает им характер репрезентации [12]. «Отзеркаливание» аффекта подразумевает в первую очередь интерпретацию взрослым состояния ребенка. Взрослый, ухаживающий за младенцем, на эмпатическом уровне, а также с более эксплицитной позиции культурно-обусловленных представлений об эмоциях и обстоятельствах, которые могут их вызывать, наблюдая те или иные проявления состояний ребенка, распознает эти состояния, пусть и не всегда правильно.

Как мы видим, «отзеркаливание» аффекта включает в себя не только экспрессию эмоций взрослого, но и те действия, которые энергетизированы данной эмоцией. И экспрессией, и речью («О, Петя кушать хочет! Ты кушать хочешь, да? Сейчас мы покушаем, конечно, покушаем» или «Ой, ты как смеешься! Смешная она, да? Веселая какая игрушка! Вот гремит как!») и манипуляциями, как правило по устойчивому сценарию, направленными на удовлетворение соответствующей потребности (взять на руки, расположить в привычной позе для кормления или встряхивать головой, чтобы рассмешить), взрослый сообщает младенцу, как бы ни был тот мал, о состоянии, которое он обнаружил. Получается, что и экспрессия, и речь, и действия, адресованные младенцу, начинают существовать как целостный знак, поясняющий ему его состояния и обобщающий их по определенному значению.

в модели Гергея и Уотсона мы можем найти в достаточной мере черты интериоризационного подхода к развитию, и при этом данная модель решает задачу применения такого подхода в большем соответствии с его базовыми принципами, нежели модель Холодински, по отношению к которой эти принципы открыто постулированы. В то же время выделяемый в модели Холодински качественный перелом в развитии эмоций в дошкольном возрасте, безусловно, также является существенной перестройкой. Холодински указывает, что в этот момент экспрессивные средства, с помощью которых ребенок сигнализировал о своем эмоциональном состоянии другим, могут быть направлены на себя самого. Это позволяет ребенку на новом уровне использовать эмоцию для регуляции действия. Примеры, которые приводит Холодински, действительно демонстрируют изменение в возможности управлять своими действиями с использованием собственных эмоций: «взрослый человек может обеспечить себе поддержку, когда испытывает печаль» [ibid., p. 14]. В этом мы можем наблюдать не просто избегание обстоятельств, обычно вызывающих грусть, и стремление к обстоятельствам, обычно вызывающим радость, то есть тот уровень управления действиями на основе эмоций, который оказывается достигнут к концу первого года жизни. Оказание себе поддержки в ситуации, когда испытываешь печаль, указывает на то, что человек может вообразить себя радостным, находясь в грустном состоянии, и предположить, а затем и искать, те обстоятельства, которые могли бы у него вызвать радость и «снять» грусть. Такой анализ эмоции во внутреннем плане мы не можем ожидать у годовалого ребенка. Также Холодински показывает, что к концу дошкольного возраста ребенок оказывается способен интерпретировать внутренние (проприоцептивные и физиологические) признаки эмоционального состояния и еще до возникновения яркой внешней экспрессии предпринимать нечто для удовлетворения своих мотивов [ibid.]. При этом внешняя экспрессия не исчезает из репертуара ребенка, а оказывается сосредоточенной на функции общения, донесения информации о переживаемых эмоциях до окружающих. В этом процессе Холодински видит сходство эмоционального развития с появлением внутренней речи по Л.С. Выготскому. Изначально социальная, то есть направленная на изменение поведения окружающих, речь ребенка проходит этап эгоцентрической речи, во время которого она уже направлена на структурирование действий и регуляцию внимания самого ребенка, хоть и воспринимается им как адресованная окружающим. Затем эти функции окончательно закрепляются во внутренней речи, но внешняя, социальная речь при этом остается для выполнения коммуникативных функций и даже становится более сложной и выразительной. Аналогичный процесс Холодински видит и в развитии эмоциональной экспрессии. Исходно экспрессия ребенка направлена на окружающих и призвана изменить их поведение в направлении удовлетворения его мотивов. В дальнейшем за счет устойчивого ответа взрослого с использованием эмоциональной экспрессии, адекватной ситуации, у ребенка появляются экспрессивные сигналы, направленные на самого себя, хотя еще и реализуемые вовне. И лишь после завершения дошкольного возраста эти сигналы в полной мере преобразуются, по мнению Холодински, во внутренние ощущения [14; 17].